

МИМОХОДОМЪ.

Особенной популярностью у насъ въ последнее время пользуются „бывшіе люди“ — босяки, золоторотцы, галахи, какъ они именуются въ просторѣчьи въ разныхъ городахъ Поволжья.

Когда мы встрѣчаемъ босяка, мы видимъ за его вѣшной оболочкой, за его лохмотьями, художественные образы Чалкаша, Коновалова, Сережки, Орлова, созданные М. Горькимъ.

Таково обаяніе художественнаго таланта, создающаго моду, заставляющаго другихъ смотреть на предметы и людей своими глазами, какъ будто гипнотизирующаго ихъ.

Такъ, нѣкогда Куперъ сдѣлалъ популярными индѣйцевъ и, быть можетъ, даже повліялъ на болѣе мягкое отношеніе къ нимъ американскаго правительства. Такъ, Лермонтовъ у насъ прославилъ въ своихъ произведеніяхъ черкесовъ и вообще Кавказъ, такъ что потомъ и Л. Н. Толстой, со своимъ правдивымъ реализмомъ, не могъ развѣять того ореола, какимъ окружилъ ихъ поэтъ.

Нужды нѣтъ, что эти авторы стремились рисовать не подлинную дѣйствительность, стремились не къ этнографіи, а къ выраженію своихъ чувствъ, взглядовъ въ тѣхъ образахъ, которые они рисовали, — толпа не можетъ вполне отдѣлать содержанія отъ оболочки, увлекаясь одинаково и тѣмъ, и другой; она напоминаетъ въ этомъ отношеніи гимназистовъ, которые, начитавшись Купера и Эмара, бѣгутъ въ Америку.

Конечно, нѣсколько странно, что человѣкъ долженъ сдѣлаться „бывшимъ человѣкомъ“, чтобы пріобрѣсти право на особенное къ себѣ вниманіе; но въ самомъ этомъ вниманіи нѣтъ ничего дурнаго, потому что босяки несомнѣнно заслуживаютъ помощи, какъ люди, во всякомъ случаѣ, несчастные.

Заслуживаетъ, поэтому, полного сочувствія чайная, устроенная у насъ для босяковъ, гдѣ эти несчастные могутъ и посидѣть, и погрѣться, а главное почувствовать себя не только „бывшими людьми“, а какъ будто и настоящими людьми, о которыхъ заботятся не только въ участкѣ, куда имъ случается попадать.

Еще большаго вниманія заслуживаетъ попытка въ Ярославлѣ протянуть руку помощи „бывшимъ людямъ“ съ тѣмъ, чтобы они могли подняться снова на ту ступень, съ которой соскользнули, и сдѣлаться просто людьми.

Въ 1900 еще году нѣсколько интеллигентныхъ людей организовали въ Ярославлѣ „артель трудовой помощи“, главнымъ образомъ для босяковъ и вообще для рабочихъ, не находившихъ работы. Устроено было помѣщеніе (сначала наемное, а потомъ даже собственное) на 50 жильцовъ и завѣдываніе имъ поручено артельному старостѣ, получающему жалованье, который долженъ пріискивать и работу для артели. Поступаютъ въ артель по договору, заключаемому на три мѣсяца.

Соединившись въ артель, люди легче себѣ находятъ работу, да и работаютъ лучше и дружнѣе. Поэтому дѣла артели пошли вовсе недурно: заработокъ каждаго артельщика доходитъ до 70 коп. въ день, а содержаніе стоитъ всего 18—23 коп. на человѣка въ день. Такимъ образомъ, работая въ артели, каждый въ состояніи не только жить, но и скопить себѣ кое-что на черный день или чтобы перейти на какое-либо другое занятіе.

Конечно, сомнительно, чтобы артель могла поднять людей окончательно опустившихся, алкоголиковъ, какіе встрѣчаются между босяками. Но, во-первыхъ, не всѣ босяки неисправимые алкоголики, а во-вторыхъ — подобная артель особенно полезна для того, чтобы не обращались въ босяковъ пришлые изъ деревни рабочіе, которые часто долго бьются, не зная города и не будучи въ состояніи найти какую-либо работу, а въ концѣ концовъ попадаютъ въ разрядъ босяковъ.

Какъ совершается такое превращеніе, художественно изображено было въ рассказѣ М. Горькаго: „Исторія одного преступленія“. Въ этомъ рассказѣ молодой и наивный деревенскій парень не только попалъ въ компанію босяковъ, не находя работы, но даже сдѣлался преступникомъ, для чего раньше у него не было никакихъ задатковъ.

А быть можетъ этого и не было бы, если бы этотъ парень не былъ замѣненъ одинокимъ въ чуждый ему городъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя, какъ въ лѣсу, пока, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ не эдичалъ и не обратился въ заганнаго волченка. Въ артели онъ бы скорѣй нашелъ работу, а если бы и не нашелъ, то зналъ бы хоть, что и нельзя ее найти, и лучше бы возвратился въ свою деревню.

Правда, есть у насъ домъ трудолюбія, но, во-первыхъ, онъ очень плохо поставленъ, а во-вторыхъ, никакой домъ трудолюбія не замѣнитъ болѣе самостоятельной артели, при которой можно бы организовать и бюро для пріисканія работы.

Было бы желательнымъ, поэтому, чтобы и въ другихъ городахъ организовались подобныя артели, какъ въ Ярославлѣ, хотя бы потому, что увеличеніе класса босяковъ нежелательно для всего города, какъ увеличеніе вообще безпокойнаго элемента населенія.

Такимъ образомъ, не только милосердіе, но и благоразуміе должно бы заставлять насъ заботиться о томъ, чтобы въ городѣ было меньше „бывшихъ людей“, — и съ социальной точки зрѣнія, и съ медицинской, потому что нищета рождаетъ болѣзни.

Къ сожалѣнію, люди мало еще сознаютъ ту связь, которая существуетъ между людьми. Мы сознаемъ, что весь человѣкъ не можетъ быть здоровъ, если у него болитъ нога, но не сознаемъ того, что и для всѣхъ дурно, если дурно какой-либо части населенія.

„Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ“, думаемъ мы. А на самомъ дѣлѣ, чтобы и себѣ пользу сдѣлать, нужно бы думать и о другихъ.